

Неожиданно для себя Цзян Фэн увидел, как старший сын Хэ нахмурился, прикрывая рот рукой. Лицо его было мрачным, и лишь спустя долгое время он глухо произнёс:

— Плохо. Песня плохая, и поёшь ты тоже плохо. Мне не нравится.

Цзян Фэн был доволен своим исполнением, и услышав такую прямую критику от Хэ Цзинлиня, он сначала опешил, но быстро пришёл в себя и поспешно спросил:

— Что именно плохо?

Ведь, как известно, со стороны виднее, и человеку всегда трудно заметить собственные недостатки. У Хэ Цзинлиня был опыт музыкального продюсера, возможно, он заметил какой-то серьёзный изъян, упущенный Цзян Фэном.

Хэ Цзинлинь снова замолчал надолго, наконец выдал хриплым голосом:

— В общем, плохо. Мне не нравится.

На этот раз Цзян Фэн окончательно растерялся.

— Да скажи же, что именно плохо? Пока ещё есть время, я попробую исправить...

— Я сказал, что плохо — значит плохо. Это слушать невыносимо. Не бери эту песню на конкурс.

Цзян Фэн замер на месте, совершенно не зная, что сказать. Ван Янь, стоявшая рядом, не понимала, что происходит между ними, и попыталась сгладить углы:

— Господин Хэ, мне кажется, Цзян Фэн спел очень хорошо, у меня даже на глаза навернулись слёзы... Хотя я в этом не разбираюсь, просто слушаю для души. Если вы заметили что-то не то, пожалуйста, объясните, ладно?

Хэ Цзинлинь не ответил, лишь опустил глаза и упрямо смотрел в пол. Если бы не репутация старшего сына семейства Хэ, известного своей зрелостью и сдержанностью, по его виду можно было бы подумать, что он капризничает, как ребёнок.

Троих снова накрыла неловкая тишина. Спустя некоторое время Цзян Фэн сквозь зубы сказал Ван Янь:

— Он просто меня невлюбил. Наверное, что бы я ни спел, ему всё будет не по душе.

Эти слова, похоже, задели Хэ Цзинлиня за живое. Он мгновенно вспылел, в два шага налетел на Цзян Фэна и грубо схватил его за воротник, почти приподнимая того на цыпочки, с выражением лица, будто готов был сожрать его живьём.

— И что с того, что я тебя невлюбил? В любом случае, не смей петь эту песню!

С этими словами он резко отпустил Цзян Фэна и, не скрывая ярости, удалился, оставив их с Ван Янь в полном недоумении.

На самом деле Цзян Фэн пел вовсе не плохо. Песня «С начала и до сих пор» была настолько хороша, что даже Хэ Цзинлиню было практически не к чему придраться.

Возможно, единственным недостатком было то... что она была слишком хороша.

«С начала и до сих пор» — саундтрек к популярному корейскому сериалу «Зимняя соната», вышедшему в 2002 году. В то время Хэ Цзинлинь ещё учился в университете. Студентки в этом возрасте любят звезд, романтику и грезы. Хотя парни редко смотрят сериалы, но девушки на лекциях без умолку обсуждали сюжет и корейских актёров, так что Хэ Цзинлинь тоже невольно проникся атмосферой «Зимней сонаты».

В том же году Чжан Синьчжэ выпустил одноимённый альбом на китайском и кантонском языках, который вызвал огромный ажиотаж в материковом Китае. Говорили, что эта песня способна вызвать слёзы у любого.

Тогда Хэ Цзинлинь не мог понять, почему. Думал, что дело в грустных словах и трогательном сюжете «Зимней сонаты», которые заставляют девушек сентиментальничать.

Но когда он услышал исполнение Цзян Фэна, то наконец понял, почему эту песню называют слезоточивой.

Когда заиграло вступление, Хэ Цзинлинь первым делом вспомнил не слова или мелодию, а начало музыкального видео Чжан Синьчжэ, где героиня произносит монолог, соответствующий сюжету сериала:

*

Ты правда можешь забыть свою первую любовь?

Если однажды

Ты встретишь человека, который выглядит точь-в-точь как он,

Это правда он?

Возможно ли это?

Это милосердие судьбы

Или очередная злобная шутка...

*

С тех пор, как он был наивным студентом, до сегодняшнего дня — он вырос, многого достиг, и... постарел.

Обычно сдержанный и хладнокровный бизнесмен, слушая, как Цзян Фэн полностью отдаётся пению, вдруг в одно мгновение почувствовал, как горло сжала боль, а в глазах разгорелся жар, и он едва удержался, чтобы не разрыдаться здесь же.

Они совершенно не похожи внешне...

Возраст совсем не совпадает...

Голоса и манера пения абсолютно разные...

Во всём они разные люди...

Почему же каждый раз, когда они вместе, в самой глубине души звучит голос, который не

затихает, словно он действительно он, словно он вернулся, словно есть ещё один шанс, чтобы он мог найти того, кого упустил в прошлом...

Хэ Цзинлинь выбежал из комнаты, когда слёзы уже ручьём текли по его лицу. Он спустился по лестнице, добежал до машины, закурил, но сделав одну затяжку, скорчился от боли, крепко прижав руку ко рту, и тихо зарыдал.

В ушах снова и снова звучала последняя строка песни в исполнении Цзян Фэна, печальная, как вздох:

*

Я не могу, как я могу признать,

Что ты — человек, которого я любил по ошибке...

*

На следующее утро, в назначенное для пробежки время, Хэ Цзинлинь не появился.

Цзян Фэн звонил ему, ждал, пока отыграет гудок, но в трубке слышны были только короткие гудки занятости. Он настойчиво набрал номер снова — результат был тем же.

— Да что за чертовщина...

Если Хэ Цзинлинь и чувствовал себя обиженным, то Цзян Фэн тоже испытывал обиду. Тщательно подготовленную песню назвали плохой, да ещё и без объяснения причин, а потом его ещё и схватили за воротник, напугав. Кто бы это ни испытал, было бы неприятно.

Он всю ночь думал, почему Хэ Цзинлинь так внезапно разозлился без видимой причины, но так и не смог догадаться. Он надеялся, что утренняя пробежка поможет всё забыть, но Хэ Цзинлинь просто подставил его, не явившись.

— Ну и не приходи! Думаешь, я тебя боюсь? — сердито пробормотал он, делая разминку в одиночестве и начиная бег.

Дуться умеет каждый. Разве он, Цзян Фэн, уступит кому-то в умении дуться?

Цзян Фэн решил, что если Хэ Цзинлинь на этот раз не извинится первым и не проявит мягкость, он больше не будет делать шагов навстречу. Так как на следующий день была назначена пробная запись в клубе «Цзинли», он весь день был занят повторением песни и настройкой на нужный лад.

К вечеру, увидев, что на его телефоне нет ни одного пропущенного звонка, ни нового сообщения, ни голосовой почты, ни письма, раздражение достигло предела.

— Да объясни ты наконец, что происходит, какой тут цирк? — тихо, но сквозь зубы пробормотал он. Сначала со злости швырнул телефон на диван, но тут же передумал, быстрым движением подхватил его и снова набрал Хэ Цзинлиня. На этот раз телефон был выключен.

Ван Янь, готовившая ужин, увидев, как Цзян Фэн выглядит так, будто готов с кем-то устроить разборки, решила, что он нервничает из-за предстоящей записи, и сказала:

— Сяо Фэн, чего ты такой мрачный? Я считаю, что ты поёшь просто идеально, завтра всё будет

хорошо. Просто расслабься и попробуй мой куриный суп, ладно?

Но Цзян Фэн резко встал и с решительным видом заявил:

— Нет, я должен с ним поговорить и прояснить ситуацию. Яньцзе, ты не знаешь, где живёт господин Хэ? Мне нужно к нему.

— Э? — Ван Янь опешила от столь резкого поворота разговора.

Конечно, она не знала, где живёт господин Хэ. Но Цзян Фэн был тем человеком, ради которого уважаемый господин Хэ каждое утро вставал ни свет ни заря, чтобы accompany him on a run (в глазах Ван Янь). В её глазах они были как минимум очень близкими друзьями. Если друг господина Хэ хочет узнать его адрес, она не могла не помочь.

Ван Янь сделала несколько звонков, сначала связавшись со своим старшим в санатории, потом с директором, и наконец узнала номер личного секретаря Хэ Цзинлиня — Сяо Чэна.

Когда Хэ Цзинлинь хотел подписать Цзян Фэна в агентство «Имэй», он не афишировал это, но и не скрывал. И как раз Сяо Чэн занимался этим вопросом. Поэтому, хотя он и не видел Цзян Фэна лично, он знал о нём и понимал, что господин Хэ заинтересован в парне, а между ними, должно быть, существует какая-то неразглашённая связь.

Сяо Чэн, увидев незнакомый номер на своём личном телефоне, сначала ответил довольно раздражённо, но, услышав, что звонит Цзян Фэн, его тон мгновенно смягчился, в нём даже прозвучала нотка обиды.

<http://bllate.org/book/16452/1492441>